
СЕМЕЙНАЯ САГА О ЛЮБВИ И СТОЙКОСТИ

ДОМ НАД ФЬОРДОМ

Роман

Yazar Kitap

Дом над фьордом

«Автор»

2026

Kitap Y.

Дом над фьордом / Y. Kitap — «Автор», 2026

На краю Норвегии, там, где суровые горы обрываются в холодные воды фьорда, стоит дом семьи Му. Ларс — механик на крабовом судне и боксёр в прошлом, Ингрид — хозяйка большого подворья: овцы, коровы, куры, заготовленные на зиму дрова и соленья. Три их дочери давно выросли и разъехались учиться, но дом продолжает звать их обратно. Пожар, который тушит и отстраивает заново вся деревня. Попытка государства забрать землю семьи под новую дорогу. Неурожайный год, пережитый благодаря бережливости матери. Случайная встреча с тренером юности, вернувшая отца на ринг спустя тридцать лет. И три свадьбы дочерей подряд — каждая со своей историей любви. «Дом над фьордом» — тёплая семейная сага о доме, который держится не на брёвнах, а на людях, возвращающихся друг к другу через любые расстояния и северные зимы.

© Kitap Y., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая. КОРНИ	5
Глава 1. Зима в Стейнгордене	5
Глава 2. Тридцать лет назад	8
Глава 3. Хозяйство	11
Глава 4. Школа и лыжи	14
Глава 5. Пожар	16
Глава 6. Дугнад	18
Часть вторая. РАЗЛЁТ	20
Глава 7. Опустевший дом	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Yazar Kitar

Дом над фьордом

Часть первая. КОРНИ

Глава 1. Зима в Стейнгордене

Снег в этих краях выпадает рано и остаётся надолго — с середины октября до апреля, а иногда и май застаёт горы в белом. Усадьба Стейнгорден стояла на пологом склоне над фьордом уже больше ста лет: серый бревенчатый дом с красной крышей, амбар, хлев, банька у самой воды и покосившийся, но крепкий причал, к которому в межсезонье привязывали старую вёсельную лодку.

Ингрид Му проснулась, как просыпалась всю жизнь, без будильника, за двадцать минут до того, как небо на востоке, за грядой Тролльфьеллет, начинало сереть. В феврале солнце в этих широтах поднималось поздно и неохотно, будто само не верило, что стоит того. Она лежала минуту, слушая дом: скрип стропил под ветром, ровное дыхание тишины в соседней комнате, где теперь, впрочем, никто не спал — все три дочери давно разъехались, — и далёкий, едва различимый шум прибоя.

Ларса не было. Судно «Полярная Звезда» ушло на промысел десять дней назад, и вернётся, если повезёт с погодой и уловом, дней через пять, может, через неделю. Ингрид привыкла к этим отлучкам за тридцать лет замужества — привыкла, но не смирилась до конца: каждый раз, когда пикап Ларса, старый белый Toyota Hilux с проржавевшим правым крылом, выезжал за ворота в сторону порта, что-то в груди сжималось, как перед экзаменом, который нельзя пересдать.

Она спустилась вниз, растопила плиту — дрова были заготовлены ещё в августе, аккуратно уложены в поленницу под навесом, каждое полено кололось её собственными руками, потому что Ларс в тот месяц был в море, а зима не спрашивает разрешения, — и поставила кофейник. За окном курятник уже подавал признаки жизни: куры завозились, зашумели, чуя человека и еду. В хлеву замычала корова Роса, тяжёлая, на сносях, отёл ожидался со дня на день.

Хозяйство у Му было по деревенским меркам большое: пятнадцать овец, три коровы, дюжина кур, шестеро поросят, да ещё пёс Бамсе, старый бордер-колли, который давно уже не столько пас, сколько дремал у печки, но всё ещё вскидывался при виде чужой машины на дороге. Управляться со всем этим вдвоём, а последние годы — и вовсе одной, пока Ларс в море, было тяжело. Но Ингрид не знала другой жизни и, по правде говоря, не хотела знать.

Она вышла во двор в сапогах и старой отцовской куртке — отец давно умер, но куртка служила исправно, — и снег хрустел под ногами так звонко, что казалось, будто он живой и жалуется на мороз. Термометр у двери показывал минус четырнадцать. Обычное дело для февраля в Стейнвике.

В хлеву было тепло от дыхания животных и застарелого, но не неприятного запаха сена и навоза — запаха, который Ингрид, выросшая в городе, в Тронхейме, поначалу не выносила, а теперь, наоборот, скучала по нему, если уезжала дальше, чем на день. Она подоила коров — руки делали это сами, без участия головы, — покормила поросят, разбросала зерно курам, проверила, не подмерзает ли вода в поилках. Всё как всегда. Всё как тридцать лет подряд.

Только теперь, доделав дела и разогнув спину, она чаще ловила себя на мысли, что двор кажется слишком большим для одного человека. Раньше здесь с раннего утра носились три

девочки — Сульвейг, потом Астрид, потом Кайя, — в резиновых сапогах не по размеру, с растрёпанными косами, вечно спорящие, кому сегодня кормить кур, а кому пропалывать грядки. Теперь двор был пуст, и только следы Бамсе да её собственные тянулись по свежему снегу.

Сульвейг, старшая, жила в Бергене, работала ветеринаром в большой клинике и, судя по последнему разговору по телефону, была влюблена, хотя и не признавалась в этом прямо. Астрид, средняя, училась — уже почти доучилась, — на архитектора в Тронхейме, том самом городе, откуда была родом сама Ингрид, и это забавным образом замыкало какой-то круг. Кайя, младшая, самая своевольная из троих, укатила в Осло изучать журналистику и звонила реже всех, зато писала длинные, путанные и удивительно тёплые сообщения по вечерам.

Ингрид вернулась в дом, налила себе кофе и села у окна, глядя на фьорд. Вода в это время года была тёмно-свинцовой, почти чёрной, и только у берега, где намерзал тонкий лёд, отливала мутной белизной. Где-то там, за горизонтом, за грядой островов, сейчас шло «Полярная Звезда», и Ларс, наверное, уже проснулся — на промысле спали мало, — и, может быть, тоже думал сейчас о доме.

Она достала из ящика комода старую жестяную банку из-под печенья, в которой хранились письма и открытки — привычка, оставшаяся с тех времён, когда мобильных телефонов не было и в помине, а связь с миром держалась на бумаге. Там были письма от матери, давно умершей, письма от Ларса времён их женитьбы, когда он ещё писал ей с промысла на клочках бумаги химическим карандашом, и открытки от дочерей — с их первых студенческих поездок, с новогодними поздравлениями, с короткими «У меня всё хорошо, мам, не волнуйся».

На самом дне банки лежала пожелтевшая, потрёпанная по краям фотография: молодой Ларс, лет двадцати двух, в боксёрских перчатках, худой, жилистый, с разбитой бровью и совершенно счастливым лицом, стоит рядом с невысоким крепким мужчиной — тренером, чьё имя Ингрид, кажется, забыла, — и держит в другой руке кубок. Это было ещё до неё, до Стейнгордена, до овец и коров, в те годы, когда Ларс жил в Будё и всерьёз мечтал о ринге.

Она долго смотрела на снимок, потом убрала его обратно в банку и вернулась к хозяйству — впереди был долгий день, а в феврале в Норвегии солнечного света и так отпущено немного, чтобы тратить его на воспоминания.

К обеду позвонила Кайя.

— Мам, как вы там? Отец ещё не вернулся?

— Дней через пять, наверное. Как у тебя с учёбой?

— Нормально. Слушай, а можно я на выходные приеду? Просто соскучилась.

Ингрид улыбнулась в трубку.

— Конечно, можно. Только дорогу проверь — говорят, на перевале снегопад обещают.

— Проверю. Мам... а можно спросить кое-что странное?

— Спрашивай.

— Ты никогда не жалела, что осталась здесь? Ну, в Стейнвике. Ты же городская была.

Вопрос застал Ингрид врасплох, хотя, если подумать, он давно висел в воздухе — так или иначе, каждая из трёх дочерей когда-нибудь задавала его, в разных формулировках. Городская девушка, влюбившаяся в парня из глухой деревни, переехавшая за сотни километров от асфальта и магазинов, взявшая в руки косу и подойник вместо конспектов, — это ведь действительно странная история, если посмотреть со стороны.

— Нет, — сказала она наконец, и это было чистой правдой. — Я жалела о многом, Кайя. Что не выучилась на кого-то, что редко вижу свою маму, что зимой темно по восемнадцать часов в сутки. Но не о том, что осталась здесь. Здесь мой дом. Здесь мой отец. Здесь вы все родились.

На том конце было молчание, потом тихое:

— Я тоже иногда скучаю по дому так, что аж больно. Даже по запаху хлева скучаю, представляешь?

— Представляю, — сказала Ингрид. — Приезжай, дочка. Мы тебя ждём.

Она положила трубку и ещё долго сидела у окна, глядя, как короткий зимний день медленно, будто нехотя, начинает клониться к сумеркам. Фьорд темнел, горы вокруг него становились чёрными силуэтами на фоне блёкло-розового неба, и где-то в этой темноте, среди волн Норвежского моря, шёл домой человек, без которого весь этот большой, шумный, беспокойный дом не был бы домом.

Она встала, подбросила дров в печь и пошла проверять, не пора ли принимать роды у Росы.

Глава 2. Тридцать лет назад

Ларс Му родился в Будё, портовом городе на севере страны, где море было не пейзажем, а профессией, судьбой, почти религией. Его отец рыбачил, дед рыбачил, и, казалось, иного пути для младшего из троих братьев Му попросту не существовало. Но у Ларса с детства обнаружилась странная для рыбацкой семьи страсть — бокс.

Началось всё случайно: в двенадцать лет он подрался во дворе школы с мальчишкой на два года старше и, к общему удивлению, не проиграл. На драку обратил внимание Эрик Хансен, невысокий, кряжистый мужчина под сорок, в прошлом — армейский боксёр, а теперь тренер в местном спортивном клубе. Он подошёл к запыхавшемуся, с разбитой губой Ларсу и спросил без предисловий:

— Хочешь научиться делать это правильно, чтобы в следующий раз не тебе разбили губу?

Так началась история, которая растянулась на десять лет и едва не изменила всю жизнь Ларса Му.

Он тренировался с фанатичным упорством — бегал по утрам вдоль набережной, когда сверстники ещё спали, отрабатывал удары по мешку в промёрзшем гараже Эрика, потому что нормального зала в клубе не было, ездил на первые соревнования в холодных автобусах через весь север страны. К девятнадцати годам он был чемпионом области среди юниоров, к двадцати одному — включён в сборную округа, и Эрик, обычно скупой на похвалу, говорил другим тренерам, что у парня «руки Бог поставил».

— Тебе прямая дорога в национальную сборную, — сказал он как-то Ларсу после особенно удачного боя. — А оттуда, если повезёт с весом и характером, и на настоящий уровень. Профессиональный.

Ларсу было двадцать два, когда он впервые увидел Ингрид До.

Это случилось в Тронхейме, куда он приехал на межрегиональные соревнования — крупный турнир, куда съезжались боксёры со всей средней и северной Норвегии. Ингрид, тогда двадцатилетняя студентка педагогического колледжа, оказалась там случайно: подруга уговорила её сходить на соревнования, потому что там выступал брат подруги.

Ларс вышел на ринг в полулёгком весе против местного фаворита и выиграл техническим нокаутом во втором раунде — зал взревел, а Ингрид, которая до этого вечера бокс видела только по телевизору мельком и считала варварским зрелищем, вдруг поймала себя на том, что кричит вместе со всеми и хлопает так, что заболели ладони.

После боя, ещё разгорячённый, с йодом на брови, Ларс столкнулся с ней в коридоре спортивного комплекса — Ингрид пыталась найти автомат с водой и заблудилась в лабиринте служебных проходов.

— Вы, случайно, не туда идёте, — сказал он, останавливаясь. — Автомат в другую сторону.

Она обернулась, увидела высокого светловолосого парня с разбитой бровью, всё ещё в спортивной форме, и почему-то не смутилась, а рассмеялась.

— Это неудивительно, я вообще плохо ориентируюсь. Особенно в местах, где половина людей вокруг только что дралась друг с другом.

— Мы не дрались, — серьёзно возразил он. — Мы боксировали. Это разные вещи.

— В чём разница?

— В правилах, — сказал он и вдруг улыбнулся, отчего его разбитое лицо стало совсем мальчишеским. — И в уважении к сопернику. После хорошего боя обычно жмут руки.

Он проводил её до автомата, потом до выхода, потом, неожиданно для самого себя, предложил проводить до общежития колледжа, хотя это было в противоположной стороне от гостиницы, где остановилась команда. Всю дорогу они говорили — о боксе, о её учёбе, о её родном

Тронхейме и его родном Будё, — и оба чувствовали то редкое ощущение, когда время идёт как-то иначе, короткими, стремительными глотками.

— Ты действительно собираешься стать профессиональным боксёром? — спросила она уже у самых дверей общежития.

— Мой тренер так говорит, — Ларс пожал плечами. — Говорит, если продолжу в том же духе ещё пару лет, смогу поехать в Осло, а может, и дальше — в Европу.

— А ты сам чего хочешь?

Вопрос заставил его задуматься так, как не заставлял ни один спортивный журналист, ни один тренер. Он посмотрел на неё — светловолосую девушку с серьёзными серыми глазами, стоящую в свете фонаря над входом в общежитие, — и вдруг с ясностью, которая его самого удивила, понял, что не может ответить сразу.

— Не знаю, — признался он честно. — Раньше знал. А сейчас, кажется, уже не так уверен.

Они начали переписываться — письмами, потому что жили в разных концах страны, а телефонные звонки на межгород стоили целое состояние. Ларс писал коротко, по-деловому, но каждое письмо заканчивал каким-нибудь неуклюжим, трогательным признанием — то, что скучает, то, что представляет, как она смеётся, то, что готов проехать хоть тысячу километров, лишь бы увидеть её лицо ещё раз.

Через полгода он действительно проехал эту тысячу километров — на автобусах, с пересадками, потратив на дорогу почти двое суток, — чтобы провести с Ингрид четыре дня в Тронхейме. Через год он сделал ей предложение прямо на набережной, у той самой воды, где стоял спортивный комплекс, где они познакомились.

— А как же бокс? — спросила она тогда, хотя уже знала, каким будет её ответ на предложение, вне зависимости от того, что он скажет.

— Я подумал, — медленно проговорил Ларс, вертя в руках маленькую бархатную коробочку, — что можно боксировать всю жизнь и в шестьдесят лет остаться один в пустой квартире с полкой кубков. А можно... — он замолчал, подбирая слова, — можно построить что-то другое. Дом. Семью. Что-то, что останется, даже когда руки перестанут держать удар.

Эрик Ханссен, узнав о решении Ларса оставить большой спорт, воспринял новость тяжело — не со злостью, а с той особой тренерской горечью, когда видишь, как уходит редкий, штучный талант.

— Ты понимаешь, что делаешь? — спросил он тогда, глядя на своего лучшего ученика в упор. — У тебя мог бы быть титул. Настоящий, не областной.

— Понимаю, Эрик, — ответил Ларс. — И, наверное, буду жалеть об этом иногда. Но я хочу другую жизнь. С Ингрид. С детьми, которых у нас ещё нет, но будут. С землёй под ногами, а не с рингом.

Эрик долго молчал, потом протянул руку.

— Тогда удачи тебе, Ларс Му. Ты был лучшим боксёром, которого я тренировал. Надеюсь, ты будешь таким же хорошим мужем и отцом.

Они не виделись после этого почти тридцать лет.

Ларс переехал в Стейнвик — деревню, откуда была родом семья его дяди по материнской линии, где как раз продавалась старая усадьба Стейнгорден с домом, амбаром и участком земли у фьорда. Ингрид, к удивлению собственных родителей, бросила недоучившийся педагогический колледж и уехала с ним — из благополучного, обжитого Тронхейма в глухую северную деревню, о которой прежде и не слышала.

— Ты с ума сошла, — сказала ей тогда мать. — Городская девочка, а едешь доить коров на край света.

— Я еду не доить коров, мама, — ответила Ингрид, хотя вскоре именно этим и занялась. — Я еду за человеком, которого люблю.

Свадьбу сыграли скромную, в маленькой деревянной церкви Стейнвика, куда пришла едва ли не вся деревня — тогда, тридцать лет назад, Му ещё не были в этих краях своими, но норвежская деревенская щедрость на гостеприимство не знала исключений. Йохан Берг, тогда ещё молодой парень, а не седой староста, каким он стал теперь, был среди тех, кто помогал накрывать столы во дворе.

Через год родилась Сульвейг. Ещё через два — Астрид. Ещё через три — Кайя.

А боксёрские перчатки Ларса, завернутые в старую газету, легли на дно чемодана, а потом — на дно шкафа, а потом и вовсе куда-то на чердак, вместе с фотографией, где молодой, счастливый Ларс держит кубок рядом со своим тренером.

Он не доставал их тридцать лет.

Глава 3. Хозяйство

Весна в Стейнгордене начиналась не с календаря, а с дел: как только сходил основной снег и земля переставала звенеть под ногой, у Ингрид наступала пора, которую она про себя называла «большим марафоном» — от первого выгона овец на пастбище и до последней банки заготовок, закатанной в сентябре.

В это утро, спустя три дня после звонка Кайи, Ингрид, как обычно, встала затемно. Роса благополучно отелилась накануне вечером — крепким бычком, которого сразу назвали Мусен, «мышонок», хотя весил новорождённый телёнок больше тридцати килограммов. Ингрид провозилась с отёлом до полуночи, и теперь, невыспавшаяся, но довольная, шла проверять, как чувствует себя мать с детёнышем.

Хозяйство Стейнгордена держалось не на технике и не на наёмных руках — таких денег у семьи Му отродясь не водилось, — а на многолетнем, отточенном до автоматизма распорядке, который Ингрид выстраивала три десятилетия. Пятнадцать овец паслись летом на дальнем склоне, огороженном простой изгородью, и давали шерсть, которую Ингрид пряла сама, вязала носки и свитера — и себе, и на продажу через маленький деревенский кооператив. Три коровы кормили семью молоком, а излишки шли на сыр, который она готовила в старой каменной сыроварне, доставшейся ещё от прежних хозяев усадьбы. Куры давали яйца в таком количестве, что хватало и семье, и на обмен с соседями. Поросят держали ради мяса — забивали осенью, одного или двух, остальных продавали.

Огород занимал добрую половину участка: картофель, репа, морковь, капуста, лук — всё то, что могло пережить короткое северное лето и долгую зиму в погребе. У южной стены дома, где было чуть теплее, Ингрид умудрялась выращивать даже немного клубники и смородины, хотя соседи посмеивались, что это баловство, а не хозяйство.

— Хозяйство без баловства — это просто выживание, — отвечала она обычно на такие подколки. — А я хочу, чтобы моим детям было ещё и хорошо, а не только сытно.

Заготовка на зиму начиналась ещё в июле, с первой земляники и первых огурцов, и продолжалась до заморозков. Ингрид солила, мариновала, коптила, вялила и закатывала банки десятками, если не сотнями за сезон: соленья, варенья, копчёная баранина и рыба, вяленая треска — та самая *knakkebrød* с рыбой, которой в этих краях кормили детей испокон веков, — квашеная капуста, мочёная брусника. Погреб под домом к октябрю был забит так плотно, что приходилось выстраивать целую систему полок и стеллажей, чтобы не запутаться, что где стоит.

Дрова — отдельная история, требовавшая едва ли не больше труда, чем весь остальной хозяйственный цикл. Ларс каждое лето, если позволяло время между рейсами, валил сушняк и старые деревья в своём лесу за домом, а когда его не было — этим занимались наёмные соседские парни или, в последние годы, сама Ингрид с бензопилой, которую освоила из чистой необходимости. Дрова кололи, складывали в поленьицы под навесом и сушили не меньше года, прежде чем пускать в печь: сырое дерево в северной Норвегии топить — только зря переводить тепло и дымить понапрасну.

За завтраком — овсянка, свежие яйца, кусок собственного копчёного бекона и хлеб, испечённый накануне, — Ингрид просматривала список дел на день: полить рассаду в теплице, проверить изгородь на дальнем пастбище, где вчера, кажется, подгнил один из столбов, съездить в посёлок за солью для скота, позвонить в ветеринарную службу насчёт плановой вакцинации овец.

День расписывался по часам, как военная операция, и всё же в этой жизни, полной физического труда, у Ингрид оставалось время для того, что она называла «моментами». Она замечала, как утренний туман стелется над фьордом и цепляется за верхушки елей на другом

берегу. Она замечала, как меняется цвет воды в разное время суток. Она замечала — и это, пожалуй, значило для неё больше всего остального, — как медленно, но верно менялся дом: где-то отваливалась краска, где-то нужно было подправить крышу, и каждая такая мелочь была частью большой, неспешной истории её жизни здесь.

К обеду в тот день заехал Йохан Берг — не по делу, а просто мимо проезжал, как он обычно объяснял свои визиты, хотя на самом деле в маленькой деревне вроде Стейнвика «просто мимо» почти никогда не бывало правдой: люди друг за другом присматривали, особенно если муж в море, а жена одна с большим хозяйством.

— Ну как ты тут, Ингрид? — спросил он, присаживаясь на крыльцо и принимая протянутую чашку кофе.

— Роса отелилась. Мусеном назвали.

— Хорошее имя, — усмехнулся Йохан. — А Ларс когда возвращается?

— Через пару дней, если верить прогнозу.

— Дай знать, если что понадобится, ладно? Я всё равно каждый день мимо езжу.

Это было характерно для Стейнвика — деревни, где жило чуть больше сотни человек, и каждый знал, у кого корова недавно отелилась, у кого протекает крыша, а у кого дети приезжают на выходные. Такая жизнь могла показаться городскому человеку тесной, лишённой приваса, но Ингрид за тридцать лет научилась ценить её иначе: здесь никто не оставался один по-настоящему, даже если жил на отшибе, в двух километрах от ближайшего соседа.

Вечером, уже затемно, она сидела в кухне и вязала — очередной свитер, на этот раз для Астрид, к её дню рождения, — когда зазвонил телефон. Это была Сульвейг.

— Мама, у меня новости, — голос старшей дочери звучал взволнованно и одновременно смущённо, что было для неё нехарактерно: Сульвейг всегда отличалась спокойствием, почти невозмутимостью, унаследованной, наверное, от отца.

— Слушаю, дочка.

— Помнишь, я говорила про Магнуса? Коллегу из клиники?

— Помню, — Ингрид отложила спицы. — Ты его ещё называла «этот зануда, который всё время спорит со мной на планёрках».

Сульвейг рассмеялась.

— Ну да, он самый. В общем... мы теперь встречаемся. Уже три месяца.

— Три месяца! — Ингрид не смогла сдержать улыбки. — И ты молчала всё это время?

— Хотела убедиться, что это серьёзно, прежде чем говорить, — призналась Сульвейг. — Мам, а знаешь что? Мне кажется, это действительно серьёзно.

Разговор затянулся ещё на полчаса — Сульвейг рассказывала про Магнуса, про то, как они познакомились в операционной над сложным случаем с собакой, попавшей под машину, и как потом, ещё месяц спустя, он пригласил её на ужин, притворившись, что хочет обсудить рабочий проект, а на самом деле весь вечер говорил о чём угодно, только не о работе.

Положив трубку, Ингрид ещё долго сидела в темнеющей кухне, глядя на огонь в печи. Три дочери, разлетевшиеся по всей стране, теперь начинали строить собственные жизни — и первой из них, судя по всему, предстояло сделать это в самом полном, окончательном смысле: выйти замуж.

Она подумала о том дне тридцать лет назад, когда сама стояла на пороге такого же решения — уехать из родного города, оставить привычную жизнь ради человека и ради дома, которого ещё даже не видела своими глазами. Интересно, подумала она, придётся ли Сульвейг делать похожий выбор, или её жизнь с Магнусом сложится проще, без таких резких поворотов.

За окном, над тёмной громадой гор, начинало разгораться слабое зеленоватое сияние — не самое яркое в этом сезоне, но достаточное, чтобы Ингрид, накинув куртку, вышла на крыльцо посмотреть.

Северное сияние в феврале в Стейнвике было почти обыденностью, но она так и не научилась воспринимать его как что-то заурядное. Стоя на морозе, глядя на переливы зелёного и слабо-фиолетового света над чёрными зубцами гор, она подумала: вот ради этого, наверное, тоже стоило остаться. Ради неба, которого не увидишь ни в одном большом городе.

Глава 4. Школа и лыжи

Школа в Стейнвике представляла собой невысокое деревянное здание на два этажа, рассчитанное на неполные шесть десятков учеников — начиная с первого класса и до десятого, все возрасты под одной крышей, а старшие классы дети заканчивали уже в интернате районного центра, за сорок километров. Учителей было немного, классы часто объединяли по два-три года выпуска, и в этой тесноте было что-то домашнее, почти семейное: Ингрид, забирая дочерей после уроков, знала по именам не только их одноклассников, но и учителей, и даже школьного завхоза, который по совместительству топил печи во всех классах.

Сульвейг, Астрид и Кайя ходили в эту школу одна за другой, с разницей в два-три года, и каждая по-своему прошла через один и тот же уклад: подъём затемно, дорога до школы — сначала пешком, потом, когда подросли, на велосипедах летом и на лыжах зимой, — уроки, а после уроков хозяйственные дела дома, которые никто не отменял ради учёбы.

— В нашей семье все умеют делать всё, — говорил обычно Ларс, когда дочери жаловались на усталость. — И уроки учить, и коров доить. Одно другому не мешает, а даже помогает — голова лучше работает, если руки заняты делом.

Спорт в Стейнвике, как и почти повсюду на севере Норвегии, означал прежде всего лыжи. Школьная программа физкультуры зимой целиком строилась вокруг беговых лыж — детей учили этому с первого класса, и к десяти годам каждый ребёнок в деревне умел уверенно держаться на трассе, взбираться на пологие подъёмы и спускаться с горок без страха.

Сульвейг оказалась самой одарённой лыжницей из трёх сестёр — тонкая, выносливая, с врождённым чувством ритма, она уже в двенадцать лет выигрывала районные соревнования среди девочек, а в шестнадцать съездила на областной чемпионат, где заняла третье место в гонке на пять километров. Тренер, приехавший из районного центра дважды в неделю, прочил ей будущее в юниорской сборной, но Сульвейг, к удивлению многих, к семнадцати годам решительно предпочла лыжам биологию и уход за животными.

— Мне нравится побеждать, — призналась она как-то отцу, — но мне больше нравится лечить животных. Наверное, это не то, чем стоит жертвовать ради спорта.

Ларс, помня собственную историю с боксом, отнёсся к этому решению дочери с полным пониманием — пожалуй, даже с облегчением, хотя вслух этого не говорил.

Астрид к лыжам относилась спокойнее — каталась хорошо, без страсти, зато рано увлеклась рисованием и конструированием: ещё в начальной школе она строила из снега целые крепости с продуманной планировкой, а дома чертила на обоях планы несуществующих домов, чем неизменно вызывала гнев Ингрид и восхищённые взгляды сестёр.

— Она у нас архитектор с пелёнок, — смеялся Ларс, разглядывая очередной «чертёж» шестилетней Астрид, изображавший дом с крышей в форме морской раковины.

Кайя, младшая, оказалась самой азартной и в лыжах, и в жизни вообще: она не столько каталась технично, сколько неслась вперёд с полным пренебрежением к собственной безопасности, дважды за детство ломала руку на спусках и один раз, в двенадцать лет, умудрилась провалиться под тонкий лёд на замёрзшем озере, куда полезла кататься наперекор всем предупреждениям взрослых. Тот случай — Ларс, к счастью, оказался неподалёку и вытащил дочь из ледяной воды за считанные секунды — надолго остался в семейной памяти как самый страшный момент их жизни в Стейнгордене.

— Ты меня чуть до инфаркта не довела, — сказал тогда Ларс, растирая дрожащую, посиневшую от холода Кайю полотенцем у печки. — Обещай, что больше никогда так не будешь делать.

— Обещаю, — пролепетала Кайя сквозь стучащие зубы, а через год снова полезла куда-то, откуда её пришлось спасать — на этот раз с крыши амбара, куда она забралась за закатившимся мячом.

Учёба в маленькой школе давала дочерям то, чего, как признавала сама Ингрид, не могла бы дать никакая городская гимназия: настоящую самостоятельность и уверенность в собственных силах. Дети здесь рано учились принимать решения, потому что взрослые физически не могли контролировать каждый их шаг — слишком много было хозяйственных забот, — и эта ранняя самостоятельность закалила всех трёх сестёр по-разному, но одинаково прочно.

Учительница литературы, фру Сульвейг Хауг, женщина преклонных лет, преподававшая в школе Стейнвика ещё когда сама Ингрид была студенткой педагогического колледжа и проходила здесь практику много лет назад, однажды сказала на родительском собрании:

— Ваши дочери, Ингрид, из тех детей, кого не нужно подгонять. Их нужно, скорее, немного придерживать, чтобы не бежали впереди самих себя.

Слова оказались пророческими: Сульвейг поступила в ветеринарную академию в Осло, а затем перебралась в Берген раньше, чем родители успели привыкнуть к мысли, что старшая дочь уже совсем взрослая. Астрид отправилась изучать архитектуру в Тронхейм, город, откуда родом была её мать, что казалось Ингрид особенно трогательным совпадением. А Кайя, самая непредсказуемая из троих, выбрала журналистику в Осло — специальность, которая, по мнению Ларса, была «занятием для тех, кто любит совать нос в чужие дела», хотя он говорил это скорее с гордостью, чем с осуждением.

Проводы каждой дочери — а происходили они с разницей в несколько лет, но всё равно слились в памяти Ингрид в один долгий, тянущийся эпизод расставания, — сопровождались одним и тем же ритуалом: полный багажник еды из погреба (несмотря на протесты дочерей, что «в городе тоже есть магазины»), долгие объятия на пороге дома, и потом — тишина, которая с каждым разом становилась в доме всё гуще.

— Помню, как Сульвейг впервые уехала, — сказала как-то Ингрид Ларсу, когда уже все три дочери жили отдельно. — Я думала, сердце разорвётся. А потом Астрид уехала — было легче, но всё равно тяжело. А когда Кайя, последняя, села в автобус до Будё, чтобы лететь в Осло... — она замолчала, вспоминая.

— Что тогда? — спросил Ларс, хотя прекрасно помнил тот день сам: он специально взял отгул на промысле, чтобы проводить младшую дочь, и всю обратную дорогу домой на пикапе молчал, глядя на пустое пассажирское сиденье.

— Тогда я поняла, что дом наш теперь навсегда будет вот таким. Тихим. Пока не приедут в гости.

Ларс тогда обнял её на кухне — редкий для него жест, потому что нежность он привык выражать делом, а не словом или объятием, — и сказал только:

— Зато мы вырастили их такими, что им есть куда лететь. Это ведь и есть настоящая работа родителя, Ингрид. Не удерживать детей рядом, а дать им крылья.

Она вспоминала эти его слова часто — особенно в те дни, когда усадьба казалась слишком тихой, а хозяйственные дела, некогда шумные и суетливые благодаря трём девочкам, теперь выполнялись в почти полной, глубокой тишине.

Глава 5. Пожар

Это случилось семь лет назад, зимой, когда Сульвейг уже жила в Бергене, Астрид только собиралась поступать в Тронхейм, а Кайя, самая младшая, ещё училась в старших классах интерната районного центра и приезжала домой только на выходные.

Ларс был в море — «Полярная Звезда» ушла на десятидневный рейс тремя днями раньше, — и Ингрид оставалась в доме одна, если не считать Бамсе, тогда ещё молодого, полного сил пса, и Кайи, которая как раз в ту пятницу приехала на выходные.

Ночь была ясной и морозной, минус двадцать два по термометру у двери, тихой настолько, что казалось, будто весь мир вокруг усадьбы затаил дыхание. Ингрид проснулась около трёх часов ночи от лая Бамсе — не обычного, предупреждающего лая на проезжающую машину, а истерического, панического воя, от которого волосы вставали дыбом.

Она вскочила, ещё не до конца понимая, что происходит, и в этот момент почувствовала запах гари, просачивающийся сквозь щели в окне. Выглянув во двор, она увидела то, от чего сердце оборвалось: старый хлев, стоявший метрах в двадцати от дома, полыхал так, что пламя было видно даже сквозь плотно закрытые ставни, а из щелей под крышей валил густой, чёрный дым.

— Кайя! — закричала она, бросаясь к комнате дочери. — Кайя, вставай, хлев горит!

Дальнейшие минуты слились в памяти Ингрид в один сплошной, лихорадочный кошмар. Она вспоминала потом, как бежала через двор в одном халате, накинутом поверх ночной рубашки, как ледяной воздух обжигал лёгкие, как Кайя, вылетевшая из дома босиком, в панике натягивала сапоги прямо на ходу.

Внутри хлева, объятых пламенем с одной стороны — судя по всему, загорелась проводка старого обогревателя, который Ингрид ставила в морозные ночи для новорождённых ягнят, — метались обезумевшие от страха овцы, и их блеяние сливалось с треском горящего дерева в звук, который Ингрид не могла забыть ещё долгие месяцы после случившегося.

— Открывай ворота с той стороны! — закричала она Кайе, распахивая ближайшую дверь, откуда уже валил дым. — Гони их наружу, к загону!

Следующие двадцать минут — Ингрид позже узнала точное время по звонку в службу спасения, зафиксированному на её телефоне, — мать и дочь, задыхаясь от дыма, обжигая руки о раскалённые щеколды, выгоняли животных из горящего хлева. Пятнадцать овец, троих коров, дюжину кур и шестерых поросят нужно было вывести наружу, на мороз, в темноту, подальше от огня, который распространялся с пугающей скоростью — старое дерево постройки, простоявшей больше полувека, горело охотно и жадно.

Ингрид навсегда запомнила момент, когда поняла, что не может найти Мусю — так звали одну из овец, самую старую в стаде, полуслепую от катаракты, которая обычно держалась в дальнем углу хлева. Она бросилась обратно внутрь, несмотря на крики Кайи, чувствуя, как жар опалает лицо, и нашла овцу забившейся в угол денника, парализованной страхом.

— Пойдём, глупая, — прохрипела она, хватая упирающееся животное и волоча его к выходу, в то время как крыша над головой начала угрожающе потрескивать.

Она успела вытащить Мусю за считанные секунды до того, как рухнула часть кровли — позже пожарные, приехавшие из районного центра почти через сорок минут (расстояние и заснеженная дорога сделали своё дело), сказали, что ещё немного, и Ингрид могла бы не вернуться.

К моменту, когда пожарная машина наконец добралась до Стейнгордена, тушить было практически нечего — хлев выгорел почти дотла, остался только обугленный каркас да несколько уцелевших балок. Но всё поголовье, всё до единой головы, оказалось спасено: живот-

ные жались друг к другу в наспех сооружённом временном загоне у амбара, дрожащие, перепуганные, но живые.

Ингрид, сидя на снегу с обожжёнными руками и опалёнными бровями, куталась в одеяло, которое принёс кто-то из соседей — весть о пожаре разнеслась по деревне быстро, и уже через полчаса после звонка в службу спасения во дворе Стейнгордена собралось человек десять местных жителей с вёдрами, лопатами и просто с желанием помочь, хотя тушить полыхающий на морозе деревянный хлев голыми руками было бесполезно, и все это понимали.

Йохан Берг, приехавший одним из первых, помог организовать людей: кто-то занялся животными, кто-то оттаскивал от огня стоявший рядом сеновал, чтобы пламя не перекинулось дальше, кто-то просто стоял рядом с Ингрид и Кайей, не давая им замёрзнуть и не давая впасть в панику.

Ларсу дозвонились только утром — на промысле связь была нестабильной, и капитан судна смог связаться с рацией берега лишь спустя несколько часов после происшествия. Услышав новость, он потребовал, чтобы его немедленно доставили на берег, но капитан, здраво рассудив, что до ближайшего порта, откуда можно было бы организовать транспорт домой, ещё сутки хода, уговорил Ларса остаться на борту — тем более что, по всем сообщениям, семья была цела, а хлев уже не спасти в любом случае.

Те сутки, что Ларс провёл на судне, зная о пожаре, но не имея возможности что-либо сделать, стали для него одними из самых тяжёлых в жизни — он потом признавался, что впервые за годы работы на промысле по-настоящему пожалел о выбранной профессии, о том, что не мог оказаться рядом с семьёй в момент беды.

— Я стоял на палубе и смотрел на воду, — рассказывал он позже, — и думал только одно: если бы что-то случилось с Ингрид или с Кайей, я бы себе этого никогда не простил. Никакая рыба, никакие деньги этого не стоят.

Когда он наконец добрался домой, спустя ещё два дня, обугленный остов хлева уже присыпало свежим снегом, а Ингрид, несмотря на перевязанные руки, снова хлопотала по хозяйству — животные временно разместились в наспех отгороженной части амбара, тесно, неудобно, но безопасно.

Ларс обнял жену прямо во дворе, долго, крепко, не говоря ни слова, а потом обнял Кайю, которая всё ещё выглядела потрясённой пережитым.

— Спасибо, — сказал он наконец, глядя на жену. — Что не растерялась. Что спасла всех.

— Мы чуть не потеряли Мусю, — тихо сказала Ингрид. — И чуть не потеряли дом, если бы огонь перекинулся на сеновал.

— Но не потеряли, — Ларс крепче сжал её плечи. — Дом стоит. Все живы. А хлев... хлев мы отстроим.

Он не знал тогда, насколько буквально сбудутся его слова — и насколько быстро.

Глава 6. Дугнад

Слово «дугнад» — общий, безвозмездный труд ради общего блага — в норвежских деревнях означало не абстрактную идею, а конкретную, проверенную веками практику: когда у соседа беда или большое дело, которое одному не по силам, вся деревня, не сговариваясь заранее, приходит на помощь.

Уже через два дня после того, как Ларс вернулся с промысла, Йохан Берг заглянул в Стейнгорден с предложением, от которого у Ларса и Ингрид перехватило дыхание — не от удивления, а от глубокой, почти болезненной благодарности.

— Мы тут посоветовались, — сказал Йохан, стоя на пороге кухни с чашкой кофе в руках, — и решили, что хлев вам нужно строить всей деревней. Одни вы провозитесь до следующей зимы, а у вас скотина в амбаре теснится.

— Йохан, мы не можем просить вас всех... — начал было Ларс, но староста только махнул рукой.

— Никто и не просит. Мы сами решили. Ты помнишь, как три года назад у Бьёрнстадов крышу сорвало штормом? Кто им новую крышу за неделю поставил, забыл?

Ларс не забыл — тогда он сам провёл на крыше Бьёрнстадов три дня подряд, забросив собственные дела.

— В деревне так заведено, — продолжал Йохан. — Сегодня ты помогаешь, завтра тебе помогают. Иначе тут никто бы не выжил, знаешь ли, — земля тут не сахарная, зимы длинные. Одному не совладать.

Дугнад назначили на ближайшую субботу. К усадьбе Му с самого раннего утра начали съезжаться машины и пикапы — почти вся деревня, от подростков, которых привели родители, чтобы приучить к общему делу, до стариков за семьдесят, которые уже не могли поднимать брёвна, но зато варили в огромных кастрюлях суп и кофе для работающих.

Всего собралось человек тридцать пять — невероятное число для деревни, где постоянных жителей было чуть больше сотни. Приехал даже отставной инженер-строитель Свен Мугстад, переехавший в Стейнвик на пенсию из Тронхейма несколько лет назад: он взял на себя расчёты конструкции нового хлева, настояв, чтобы постройка была не просто восстановлена по старому образцу, а сделана прочнее и безопаснее — с современной, изолированной проводкой, чтобы избежать повторения трагедии.

— Раз уж строим заново, — сказал Свен, разворачивая на капоте пикапа наспех начерченный план, — давайте сделаем как следует. Пожарная безопасность прежде всего.

Работа кипела весь день: одни разбирали обгоревшие остатки старого каркаса, другие подвозили брёвна и доски — часть материала пожертвовал местный лесопильный кооператив, часть привезли соседи из собственных запасов, — третьи, самые опытные плотники деревни, начали возводить новый каркас.

Ингрид, несмотря на протесты Ларса, что ей стоило бы отдохнуть после пережитого, весь день провела на кухне вместе с несколькими соседками, готовя еду для работающих — огромные кастрюли фарикола, традиционного норвежского бараньего рагу с капустой, свежий хлеб, бесконечные термосы с кофе. К обеду длинный стол, вынесенный во двор прямо на снег, ломился от еды, и вся эта картина — десятки людей, работающих плечом к плечу ради семьи, которая ещё несколько дней назад чуть не осталась без крыши над головой для скота, — заставляла Ингрид то и дело смахивать слёзы, которые она объясняла окружающим морозом и дымом от печей.

Ларс работал наравне со всеми, но время от времени останавливался, оглядывая двор, полный людей, и чувствовал что-то похожее на то, что испытывал когда-то на ринге в лучшие

свои годы — не эйфорию победы, а глубокое, спокойное чувство принадлежности к чему-то большему, чем он сам.

— Знаешь, — сказал он вечером того же дня Ингрид, когда основной каркас нового хлева уже стоял, ожидая обшивки стен и крыши в следующие выходные, — я тридцать лет назад думал, что, оставив бокс, теряю что-то важное. Команду, поддержку, чувство, что ты не один.

— И как, потерял? — спросила Ингрид, устало опускаясь рядом с ним на скамью у крыльца.

Ларс покачал головой, глядя на опустевший, но заваленный строительным мусором двор, освещённый несколькими прожекторами, которые кто-то из соседей одолжил на время работ.

— Нет. Просто нашёл другую команду. Больше и, наверное, важнее той, что была в спорт-зале.

Строительство нового хлева заняло три полных субботы дугнада и ещё пару недель, когда Ларс с несколькими соседями доделывали внутреннюю отделку и подводили новую электрику уже без общего сбора, вдвоём-втроём. К концу февраля новый хлев стоял на месте старого — крепче, просторнее, безопаснее, с современной изолированной проводкой, отдельным помещением для новорождённых ягнят с автономным обогревом, исключающим повторение пожара.

На торжественное «открытие» нового хлева — событие, которое в другой семье могло бы показаться странным поводом для праздника, но в Стейнвике было воспринято совершенно естественно, — снова собралась значительная часть деревни. Ингрид напекла пирогов, Ларс достал припрятанную бутылку акевита, местной можжевеловой водки, и во дворе Стейнгордена снова, как во время самого дугнада, звучали смех и разговоры.

— За новый хлев, — поднял тост Йохан Берг, — и за то, что в нашей деревне никто не остаётся один в беде.

— За дугнад, — подхватили остальные, поднимая рюмки.

Кайя, приехавшая на это торжество из интерната специально на выходные, стояла рядом с родителями, наблюдая за происходящим, и тихо сказала матери:

— Мам, я никогда не забуду, как здесь все пришли помогать. Даже когда уеду отсюда навсегда, буду помнить.

— Ты вряд ли уедешь навсегда, — улыбнулась Ингрид, обнимая дочь за плечи. — Такие места, как это, не отпускают по-настоящему. Ты ещё сама в этом убедишься.

Она оказалась права — хотя тогда, в тот морозный вечер конца февраля, ни она сама, ни кто-либо другой ещё не знал, насколько скоро и насколько многогранно это пророчество сбудется.

Часть вторая. РАЗЛЁТ

Глава 7. Опустевший дом

Годы после пожара пролетели быстро — быстрее, чем Ингрид могла себе представить, оглядываясь назад. Кайя закончила интернат и, как и предсказывала, поступила на журналистику в Осло. Астрид, уже поступившая к тому моменту в архитектурную школу Тронхейма, к своему третьему курсу уехала на семестр по обмену в Копенгаген и вернулась оттуда с ещё большей уверенностью в выбранном пути. Сульвейг, к тому времени уже пять лет работавшая ветеринаром в Бергене, обзавелась собственной небольшой квартирой и явно обустроивалась в городе всерьёз и надолго.

Дом в Стейнгордене, некогда полный детского шума, беготни и споров из-за очереди кормить кур, теперь встречал дочерей только по праздникам и изредка — на длинные выходные. Ингрид привыкла к этой новой тишине, но привычка не означала лёгкости: каждый раз, готовя ужин на двоих вместо пяти человек, она ловила себя на мысли, что автоматически чистит слишком много картошки — рука помнила старые пропорции лучше, чем голова успевала их пересчитать.

— Знаешь, что самое странное? — сказала она как-то Ларсу за ужином, когда он был дома между рейсами. — Я скучаю даже по тем моментам, которые тогда бесили меня до зубового скрежета. По их дракам из-за ванной комнаты. По тому, как Кайя вечно опаздывала на автобус в школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.